

ЧАЙНА МЪБЕВИЛЪ

CHINA MIÉVILLE

THIS CENSUS
TAKER

ЧАЙНА МЪЕВИЛЪ

ПЪРЕПИСЧИКЪ

fanzon

Москва

2018

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
М96

China Miéville
THIS CENSUS TAKER
Copyright © 2016 by China Miéville

Разработка серии А. Саукова

Оформление В. Половцева

Мьевиль, Чайна.

М96 Переписчик / Чайна Мьевиль ; [пер. с англ. К. Эбауэр]. — Москва : Эксмо, 2018. — 256 с. — (Странная фантастика).

ISBN 978-5-04-096955-5

В удаленном доме на вершине холма одинокий мальчик становится свидетелем глубоко травмирующего события. Пытается сбежать, но безуспешно. Оставаясь наедине со своим все менее вмещаемым родителем, он мечтает о безопасности, о друзьях в городе внизу, о победе.

Когда незнакомец стучится в дверь, мальчик чувствует, что дни изоляции подходят к концу. Но кто дал этому человеку полномочия вести записи? Какова истинная цель его вопросов? Он друг? Враг? Или нечто совсем иное?

Наполненный красотой, страхом и неизвестностью, «Переписчик» — пронзительное и захватывающее исследование памяти и личности.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-096955-5

© К. Эбауэр, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ПЕРЕПИСЧИК

Посвящается Мику

Как и все подобные вытянутые приземистые дома, этот строился не для кого-то, а против. Против леса, против моря, против стихий, против целого мира. В каждом имелись кровельные балки, двери и ненависть, как будто в этих краях она была одним из необходимых инструментов архитектора и тот говорил ученику: «Не забудь сегодня захватить с собой вдоволь ненависти».

Джейн Гаскелл
«Где-то в солнечном краю»

МАЛЬЧИК С КРИКАМИ НЕССЯ ПО ТРО-
пинке с холма. Этим мальчиком был
я. Он выставил перед собой руки, словно
окунул их в краску и собирался прижать к
бумаге, нарисовать картинку, но вместо кра-
ски его покрывала грязь. Крови на ладонях
не было.

Мальчик — думаю, лет девяти — бежал
быстрее, чем когда-либо прежде, и споты-
кался, и разгонялся, и раз за разом едва не
падал на окружавшие тропинку камни и за-
росли утесника, но я удерживался на ногах и
продолжал путь в тень своего холма. Воздух
был влажный, но небо не обронило ни кап-

ли. Позади меня клубилась холодная пыль, впереди улепетывало прочь мелкое зверье.

Позже Сэмма сказала, что жители города увидели это облако задолго до моего появления. Убедившись, что это не просто ветер, она вместе с другими отправилась к водокачке за мостом на западе, к окраинным домам, дабы приглядеться поближе. С того дня при каждой встрече Сэмма по возможности рассказывала мне всякие истории, в том числе и о том, как я спускался с холма.

— Я знала, что это ты. Перемазанным чертом несешься с горы. Говорю им, это мальчик. И другие вторят. Пока я наблюдала, ты, должно быть, целую милю одолел, все бежал и бежал и ни разу не замедлился. Промчался мимо ногтей.

«Ногтями» я прозвал чахлые заросли белого кустарника, а Сэмма подхватила.

— Прямо из каждой трещины на холме — ты наверняка слышал, — как бесы воют на тебя из-под земли. — Когда она вот так говорила, я таращился на нее молча

и неотрывно. — Мы слышали, как ты приближаешься, вопя точно раненая чайка или вроде того, и я сказала: «Да, это мальчик!»

И я приближался. Свернул с тропинки там, где склон становился суше, каменистей и круче, и рванул к месту сбора толпы. Сверху я видел все пространство между самыми дальними стенами и городским мостом. От судорожных рыданий меня вывернуло, и я побежал дальше, громкий, грязный, мимо проволочной фабрики и стекольного завода, мимо амбаров и магазинов, по земле перед ними, устланной старой соломой и черепками всякой всячины, разбитой внутри, прямо к булыжникам и бетону того самого моста, где ждали горожане.

Среди них были дети: те, кого крепко держали родители. А я надрывался, как младенец. Я пытался вдохнуть.

Я там единственный шевелился, все остальные лишь глазели на мою фигурку, поднимающую пыль, пока кто-то — не знаю кто — не устремился мне навстречу и

остальные, устыдившись, не ринулись следом, включая Сэмму.

Они бежали, протягивая ко мне руки, как и я к ним.

— Глядите! — воскликнул кто-то. — Боже, только взгляните на него!

Я поднял, как тогда думал, окровавленные ладони, чтобы их увидели все.

И закричал:

— Моя мать убила моего отца!

* * *

Я из верховья. Выше нашего дома простирался только крутой участок с пучками травы и рыхлым грунтом, затем шли кремниевые плиты ступенями, будто корявый зиккурат, а дальше уже самый пик. И ни единой тропки. Выше нас на холме никто не жил. Хотя наш дом стоял примерно на том же уровне, что жилища нескольких наблюдателей за погодой, отшельников и ведьм, которых можно было назвать нашими соседями, но, чтобы

добраться от нас до них, пришлось бы хорошо прогуляться, и мы никогда к ним не наведывались, как и они к нам.

Каждый из трех этажей моего дома был в меньшей степени готовности, чем предыдущий, как будто строители теряли запал по мере отдаления от земли. На нижнем располагались кухня с гостиной, мастерская отца, коридор и угловая деревянная лестница. На среднем — две маленькие, наспех законченные спальни, отца и матери, и каморка между ними, где спал я.

И на верхнем этаже порывы что-либо разделить окончательно иссякли и осталось лишь единое пространство, по которому гулял сквозняк, проникающий сквозь недоделанные стены и щели между оконными рамами и штукатуркой.

Мне нравилось взбираться по крутой лестнице и играть в одиночестве в этой полной ветра комнате. Все остальные стены в доме или побелили, или покрасили охрой из мест-